

УДК 821.133.1+ 821.161.1
ББК 83.3(4Фра)+83

«ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ДОБРОХОТНО ДАЮЩЕГО»: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ УИЛЬЯМА ДИННА ХОУЭЛЛСА

© 2019 г. А.П. Уракова

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 22 апреля 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-92-107

Аннотация: Статья представляет собой опыт пристального чтения автобиографического эссе «Злоключения доброхотно дающего» американского писателя Уильяма Динна Хоуэллса в контексте дискурса благотворительности и милосердия в США XIX в. Утверждается, что Хоуэллс был наследником сентиментально-назидательной «благотворительной литературы» и одновременно современником далеко не сентиментальной филантропии рубежа веков. Описывая различные случаи своей благотворительной деятельности, Хоуэллс комментирует драматическое положение современного филантропа, вынужденного каждый раз решать сложные этические задачи с точки зрения политической экономии. «Злоключения доброхотно дающего» подводит итог вековым дискуссиям о том, как можно делать добрые дела и при этом не умножать социальное зло, и оказывается секулярной версией «апостольского» послания, призывом заниматься благотворительностью, невзирая на неутешительные последствия этой деятельности. Статья посвящается памяти Е.А. Стеценко, автора главы о У.Д. Хоуэллсе в «Истории литературы США» (ИМЛИ РАН, 2013).

Ключевые слова: благотворительность, дар, Уильям Динн Хоуэллс, сентиментализм, реализм, американская литература рубежа веков, политическая экономия.

Информация об авторе: Александра Павловна Уракова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0003-2432-2840

E-mail: alexandraurakova@yandex.ru

Для цитирования: Уракова А.П. «Злоключения доброхотно дающего»: политическая экономия Уильяма Динна Хоуэллса // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 92–107. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-92-107

“TRIBULATIONS OF A CHEERFUL GIVER”:
POLITICAL ECONOMY
OF WILLIAM DEAN HOWELLS

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. A.P. Urakova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: April 22, 2019
Date of publication: September 25, 2019*

Abstract: The article is a close reading of the autobiographical sketch “Tribulations of a Cheerful Giver” by William Dean Howells in the context of the discourses of benevolence and charity in the 19th century United States. It argues that Howells was both a successor to the so-called sentimental “benevolence literature” and a contemporary of the anti-sentimental postbellum philanthropic practices. Describing different instances of alms-giving and charitable work from his personal experience, Howells comments on the dramatic situation of a contemporary philanthropist who faces complex ethical dilemma tackling controversies of charity from the perspective of political economy. “Tribulations of a Cheerful Giver” reflects on the century-long discussions about charity — namely how it is possible to do good without multiplying social evil. The title and the final of the sketch disclose it as a secular version of the “apostolic letter,” an ultimate appeal to be charitable even when charitable activities do not bring desirable results. The article is dedicated to the memory of Ekaterina A. Stetsenko, author of the chapter on Howells in the *History of American Literature* (IWL RAS Publ., 2013).

Keywords: philanthropy, gift, William Dean Howells, sentimentalism, realism, American literature at the verge of the 19th and 20th centuries, political economy.

Information about the author: Alexandra P. Urakova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0003-2432-2840

E-mail: alexandraurakova@yandex.ru

For citation: Urakova A.P. “Tribulations of a Cheerful Giver”: Political Economy of William Dean Howells. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 3, pp. 92–107. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-92-107

Памяти Е.А. Стеценко
In the memory of Ekaterina A. Stetsenko

Эссе «Злоключения доброхотно дающего» Уильяма Дина Хоуэллса, вошедшее в сборник «Впечатления и опыты» (1896), открывается символической сценой: герой-рассказчик, бродя по одной из нью-йоркских улиц, замечает сидящего на ступеньке дома нищего:

Казалось, что его локти лежат на коленях, а руки вытянуты вперед. Но когда я подошел ближе, я увидел, что у него нет кистей рук, а только культы, там, где пальцы были отрезаны от ладоней, и именно культы он протягивает в немой мольбе — таким образом прося милостыню. <...> Когда я подошел, он не поднял на меня глаз, а когда я остановился — не сказал ни слова. Мне это понравилось; кроме увечья — но то была не его вина — в нем не было ничего, что оскорбляло бы вкус, и его неподвижное молчание, безусловно, впечатляло. Я сразу решил, что подам ему что-нибудь... [8, р. 111]¹.

Изображенная с натуралистическими подробностями, фигура нищего не лишена сентиментальности: опущенный взгляд говорит о смирении, протянутые культы красноречивей слов и слез побуждают к импульсивному поступку: «Я сразу решил, что подам ему что-нибудь». Американская исследовательница Хильдегард Хоэллер усматривает в данном увечье символический смысл: нищий просит о помощи, но у него нет рук; это знак того, что

¹ Перевод везде наш. — А.У.

в современном мире дар невозможен [6, р. 164]. В самом деле, рассказчик сталкивается если не с невозможностью, то по крайней мере с невыносимой сложностью дарения: простой акт милосердия превращается для него в предмет мучительной рефлексии и изнуряющих расчетов. Название эссе глубоко иронично, если принять во внимание тот факт, что по-английски «доброхотно дающий» звучит как «cheerful giver», буквально, радостный даритель².

История с нищим открывает собой хронику «злосключений доброхотно дающего» — автобиографического alter ego автора. Если Х. Хоэллер останавливается на анализе этого знакового, но не единственного эпизода, мы предлагаем внимательно перечитать от начала до конца малоизвестное произведение американского классика-реалиста как пример его пессимистических и противоречивых взглядов на благотворительность. Писавший на рубеже XIX–XX вв. Хоуэллс был, с одной стороны, наследником вековой традиции так называемой «благотворительной литературы» [2], которая носила преимущественно сентиментально-назидательный характер, с другой стороны, современником эпохи, когда филантропия, став функциональной бюрократизированной системой, утратила былую веру в ценность индивидуального морального поступка и силу симпатии³. Наконец в эссе Хоуэллса нашли отражение социалистические идеи, например, критика социального и экономического неравенства, имманентно присущего существующему порядку⁴.

Эпизод с безруким нищим заслуживает пристального внимания. В центре его оказывается непростая дилемма «подать или не подать». За первым душевным порывом («подам ему что-нибудь») следует рефлексия:

...когда я становлюсь свидетелем нужды или того, что выдает себя за нужду, что-то во мне говорит: «Просящему у тебя дай» и я вынужден дать, иначе я уйду с нечистой совестью — а это я ненавижу. Конечно же, я не даю

2 Tribulations of a Cheerful Giver — цитата из Второго Послания апостола Павла к Коринфянам (9: 6–8): ибо доброхотно дающего любит Бог / God loves a cheerful giver.

3 О бюрократизации и десентиментализации филантропии после Гражданской войны см.: [5, с. 134–159].

4 Увлечение Хоуэллсом социалистическими идеями приходится именно на 1880-е гг., в это время он сближается с Э. Беллами и вступает в Лигу антиимпериалистов. См. об этом: [1, с. 378–379].

много, потому что хочу быть хорошим гражданином, а не только хорошим христианином; и как только я прислушиваюсь к голосу, которому не могу не повиноваться, я тотчас слышу другой голос, упрекающий меня за поощрение уличного попрошайничества. Меня учили, что уличное попрошайничество — это зло, и пока я расстегиваю два своих пальто и обыскав три или четыре кармана, нахожу наконец маленькую монету, чтобы отдать ее, следуя зову первого голоса, я чувствую, что поступаю неправильно [8, р. 111].

Данный пассаж примечателен тем, что в нем рассказчик с напусковой наивностью описывает благотворительность через непримиримый конфликт двух позиций: с одной стороны, императивный импульс дать просящему, легитимированный христианским заветом (не случайно у эссе «апостольское» название), с другой — гражданская добродетель, необходимость заботиться о благе общества и взвешивать каждое решение в соответствии с ним. Перед нами конфликт чувства и долга, но также долга и долга, личной (ср.: нечистая совесть) и гражданской этики. Христианская мораль — устаревшая, нуждающаяся в реформе, в адаптации к новым обстоятельствам — противопоставлена интересам современного государства. «Доброхотно дающий» — это человек сомневающийся; стоя перед неразрешимым выбором, он пытается найти компромиссное решение.

Итак, я иду на компромисс, и я совсем не уверен, что каждый из этих двух голосов мной доволен. Я и сам собой недоволен; но все же я доволен больше, если что-нибудь даю. Таково было мое эгоистическое побуждение, когда я подчинился моей лучшей природе и голосу «Прозящему у тебя дай»; ибо, как я уже говорил, я ненавижу нечистую совесть, и из двух зол я выбираю меньшее — то, что в этом случае предлагает мне моя яростная политическая экономия (*that my incensed political economy gives me*) [8, р. 112].

Словосочетание «политическая экономия» в приведенном фрагменте знаменательно. Еще сентиментальная поэтесса Лидия Сигурни в трактате «Письма к юным леди» (1833) писала об «экономии милосердия», которой должна руководствоваться благочестивая девица, совершая добрые дела:

Учись экономии милосердия (*economy of charity*). Правильно потраченный, один доллар может сделать больше добра, нежели сумма в десятки раз больше. Насколько можешь, увеличивай долю, отведенную для бедных, собственным трудом... Если ты распоряжаешься своим временем, регулярно используй один час из двадцати четырех для занятий благотворительностью... [9, p. 106].

Призывая относиться к благотворительным занятиям экономически, Сигурни понимает милосердие как рутинную, ежедневную, в высшей степени регламентированную работу. В основе этой экономии лежит принцип эффективного распределения ресурсов — физических, духовных, финансовых и временных. Иными словами, «экономия милосердия» требовалась Сигурни и другим авторам нравоучительных пособий, например, Кэтрин Бичер, чтобы найти место богоугодным делам в жизненном укладе, грамотно распределить время и деньги между благотворительностью и другими обязанностями и тратами. Хоуэллс обращается к политической экономии с иной целью: он пытается решить этическую дилемму — как быть одновременно хорошим христианином и хорошим гражданином.

Наконец перед нами — возможная скрытая аллюзия к «Письмам из Нью-Йорка» сентиментальной писательницы Лидии Марии Чайлд (1841–1843), которая рассуждала о милосердии в терминах политической экономии в похожем контексте. Во время одной из своих прогулок рассказчица Чайлд, «фланесса», путешествующая по городу и наблюдающая его разнообразную жизнь, видит двух дерущихся маленьких оборвышей и их нищую мать-иммигрантку. Исполненная симпатии, повинуясь доброму импульсу, она протягивает им пени, несмотря на то что «политическая экономия не одобряет этого» [4, p. 97]. Ее жест не делает мир лучше — возможно только хуже, и Чайлд задумывается о том, как хорошо бы было, если бы взамен политической экономии миром управляла «ангельская экономия», где главным законом был бы закон Любви [4, p. 97]. Рассказчица прекрасно понимает, что это неосуществимая социальная утопия, но понимание не снижает важности трансцендентного аспекта или измерения социальных отношений, которые автор «Писем из Нью-Йорка» пытается преобразовать при помощи симпатии. Как и Чайлд, Хоуэллс не питает больших иллюзий насчет благих последствий своего поступка; тем не менее его политическая

экономия не уравновешивается «ангельской»; это «яростная» диалектика компромисса, выбор меньшего из двух зол. Для Чайлд политическая экономия — внешняя моральная оценка ее поступка («не одобряет»); Хоуэллс рассуждает о «своей» политической экономии: подобно «экономии милосердия» Сигурни, это внутренняя система расчетов и балансов.

По иронии политическая экономия приводит рассказчика не к компромиссу и душевной гармонии, но к прямо противоположному результату: он чувствует себя плохим христианином и плохим гражданином. Все дальнейшее изложение подчеркивает слабость компромиссной позиции; простой, казалось бы, акт — помощь нуждающемуся — становится поводом для изнурительных сомнений. Достав из кармана полдоллара, рассказчик понимает, что неправильно жертвовать «безрукому человеку, да и вообще любому нищему» так много. «Мне не хватило смелости склонить свою политическую экономию к пятидесяти центам; призыв “Прозящему тебе дай” совсем не означает, что ты должен дать полдоллара, это может быть цент или полцента, или на худой конец четверть доллара» [8, р. 113]. Совестьливый рассказчик идет в соседний ресторан, чтобы разменять деньги; но, почувствовав неловкость, что беспокоит официанта из-за такого пустяка, покупает у него пачку сигарет. Это была напрасная трата (*pure waste*): рассказчик не курит.

Жак Деррида, в своем анализе знаменитой поэмы в прозе Бодлера «Фальшивая монета», обращает особое внимание на беглое упоминание в ней табачной лавки (поэма начинается с того, что рассказчик и его спутник выходят из табачной лавки). В частности, Деррида помещает табак как в узкоэкономический контекст (политико-экономическая эксплуатация курения, производство и спекуляции на табачном рынке и на рынке наркотической продукции в целом), так и в более широкий контекст экономики обмена, который включает в себя также контракт, дар и антидар, союз. Табак — это «символ символического»: в традиционных экономиках, прежде всего, в индейской, он был символом завязывания дружеских отношений, тогда как в рамках экономики потребления стал символизировать «праздник и роскошь» [6, р. 113]. У Хоуэллса, как и у Бодлера (поэму в прозе последнего он, скорее всего, знал), табак скрепляет союз рассказчика и нищего, служа в буквальном смысле разменной монетой: не купи рассказчик табак, он, вероятнее всего, ушел бы, так и не подав милостыню. Символический жест

подчеркивается бесполезностью покупки: сигареты не только роскошь, но и бессмысленная трата для того, кто не курит. При этом рассказчик Хоуэллса куда более эксплицитно, чем повествователь Бодлера, вводит табак в сферу политической экономии: «...конечно же, было бы лучше купить их [сигареты] и поощрить коммерцию, чем отдать их нищему и поощрить уличное попрошайничество» [8, р. 113]. Будучи бесполезной по определению, табачная продукция полезна в той мере, в какой участвует в экономике страны. В некотором роде это компенсация рассказчика за содеянное: пятнадцать центов он жертвует нищему, десять — вкладывает в табачный рынок. Каждый раз рассказчик выбирает меньшее зло из двух: 1) дать хоть что-то лучше, чем не давать ничего; 2) потратить деньги на табак не так вредно, как дать их попрошайке. Вторая пара отсылает нас к характерному для XIX в. представлению о том, что трата на предметы роскоши, будучи вкладом в экономику, полезнее поощряющей бездельников милостыни. Нищий традиционно считался «недостойным бедным» (*unworthy poor*) — мнение, которое нельзя назвать специфически американским, но которое было особенно актуально для американской ментальности; в стране, свято верующей в равенство возможностей, нищий был бездельником и тунеядцем *de facto*. Исключение делалось для калек, но даже такой случай, как мы видим на примере эссе Хоуэллса, вызывал сомнения.

Но и после того, как рассказчик наконец жертвует пятнадцать центов нищему, он продолжает терзаться внутренними противоречиями. Он сомневается в собственном поступке, а после — сомневается в своем сомнении. Сначала, когда он видит, как бедно одетая девушка («достойная бедная» — *worthy poor*), проходя мимо, заметила пожертвованные им четверть доллара и дала нищему десять центов — непозволительную для себя сумму. Этого не случилось бы, если бы он дал пять центов вместо пятнадцати; тогда бы девушка положила цент. Однако уже дома он приходит к диаметрально противоположному выводу, думая, что поступил несправедливо по отношению к нищему: «Я почувствовал, что божественной волей был назначен хранителем предназначенного для него полдоллара; но из него я дал ему пятнадцать центов, десять потратил впустую, а двадцать пять оставил себе; иными словами, я промотал большую часть его денег» [8, р. 115]. Любопытно, что теперь инвестированные в табачную продукцию деньги оказываются напрасно потраченными, а полдоллара

становятся символической собственностью нищего, которую он так и не получил по вине горе-филантропа.

Все это заставляет рассказчика задуматься о том, что сами основы его политической экономии ошибочны:

В темноте ночи человек шепчет вам, что ему нечего есть и негде спать. Дадите ли вы ему доллар, чтобы он мог позволить себе хороший ужин и ночлег? Разумеется, нет. Вы дадите ему цент, в надежде, что кто-нибудь даст ему еще; или, если у вас есть благотворительные билеты, вы дадите ему один из них и уйдете с чувством, что вы и помогли ему, и обвели вокруг пальца (at once befriended and outwitted him); потому что вы все равно полагаете, что это мошенник, который пытается вас обмануть [8, p. 116].

Перед нами — скрытая аллюзия к бодлеровской «Фальшивой монете» и одновременно отзвук мелвилловского романа «Шарлатан. Его маскарад», где действуют переодетые нищие и фальшивые филантропы — шарлатаны, которые обводят вокруг пальца других шарлатанов. Шарлатаном оказывается и читатель, к которому апеллирует рассказчик: «...осмелюсь сказать, что он [читатель] притворится, что сам дал бы полдоллара. Но сомневаюсь, что он так бы поступил...» [8, p. 116].

Рассказчик Хоуэллса в итоге доводит до логического предела дидактические формулы своих предшественников: «достойные» / «недостойные» бедные, трудолюбие как ценность, попрошайничество как зло и т. п., ставя под сомнение их непреложность — опять-таки с экономических позиций:

Множество хороших людей не зарабатывает себе на жизнь, и, однако, все считают, что они имеют на это право. Мы не можем заставлять бедных зарабатывать себе на жизнь и не заставлять это делать богатых, не подрывая тем самым самые основы нашего общества и солидаризируясь с его врагами [8, p. 116].

Рассказчик иронично вопрошает: «Должны ли мы всегда давать просящим? Или мы должны давать просящим, только если мы знаем, что они честны? Иными словами, что заслуживает милосердия, а что нет? Должны ли мы отказать голодному или замерзшему сыну, если его мать пьяна и порочна?» Но если нет, то в таком случае «должны ли мы помогать недо-

стойному (undeserving) богатому?» Броситься на помощь попавшему под омнибус на Пятой авеню богачу, который, как мы знаем, погряз в пороке? «Я знаю, что мы представляем практически несуществующего богатого; но, раз уж мы его себе представили, должны ли мы его спасти так же, как если бы на его месте был достойный?» [8, p. 116]. «Что такое милосердие, награда или добродетель?» [8, p. 124]. В этот момент мы понимаем, что, описывая свои мучения, рассказчик надевает ироническую маску; он рассуждает, как рассуждал бы его усредненный современник, эдакий every man, совершавший вечернюю прогулку по нью-йоркским улицам и столкнувшийся с неразрешимой дилеммой: как, при виде нищеты и увечья, успокоить совесть и при этом не умножить социальное зло?

Последующие эпизоды эссе содержат больше личных, автобиографических деталей, однако иронический тон сохраняется; например, теперь не только сам рассказчик решает внутренние экономические задачи — его взаимоотношения с попрошайками и просителями описываются как экономические сделки. Так, однажды рассказчик видит уличную итальянскую музыкантшу — маленькую старушку, спящую на бордюре в холодную ночь: седая голова лежит на коленях, сморщенные руки закутаны в тонкую шаль. Он кидает в медную кружку десять центов; звон монеты будит нищенку, она просыпается и хватается за ручку своей шарманки, «как если бы она собиралась возместить мне стоимость моих денег» (as if she were willing to begin giving me my money's worth) [8, p. 120]. Хоуэллс называет вещи своими именами: признательность, которая негласно ожидается в обмен за благодеяние, получает конкретное экономическое выражение — деньги в обмен на услугу. Любопытно, что в этом эпизоде возникает прямая аллюзия к теме сентиментального милосердия: «Я вздохнул, как это обычно делали чувствительные люди (people of feeling) в восемнадцатом веке, и бросил десять центов в медную кружку» [8, p. 120]. Звон монеты прерывает не только сон старушки, но и медитативные размышления рассказчика, подчеркивая, что сентиментальный дискурс в конце XIX в. — это анахронизм. Чувствительный субъект XVIII столетия, симпатизирующий и вздыхающий, на рубеже XX в. ясно понимает, что брошенные в медную кружку десять центов имеют меновую стоимость, каким бы сомнительным и приблизительным ни был эквивалент.

Благотворительность подчиняется логике торгового обмена — мысль, которая еще более явственно звучит в другом эпизоде: рассказчик

дает четверть доллара однорукому ирландцу в магазине обуви — не «из лучших побуждений, но потому что у меня не было более мелких денег, я мог дать или это, или ничего. Дар, казалось, потряс его». Нищий рассыпается в благодарностях, просит имя рассказчика, чтобы молиться за него, рассказывает ему свою историю.

И словно не удовольствовавшись этим, он взял свою бедную культу — как будто пытаясь доказать, что она настоящая, — и потерял ее об меня, и стал благословлять меня еще и еще, пока мне не стало стыдно, что я получил намного больше, нежели заплатил (of getting so much more than my money's worth). Стоит ли говорить о моих опасениях, что этот благодарный человек был не совсем трезв? [8, p. 131]

Итак, благодарность — это не только ответный дар; это дар, имеющий товарную цену: в самом деле, насколько благодарным нужно быть за полдоллара? Если в первом эпизоде эссе увещье нищего, вслед за Хоэллер, можно интерпретировать как символ амбивалентности милосердия в современном обществе, безрукий ирландец, который *дотрагивается* своей культурой до рассказчика, не только символизирует, но и буквализирует сентиментальную чувствительность. По-английски to touch — это трогать, но также волновать, вызывать сочувствие. Гротескная сцена с ее гомоэротическими коннотациями и последующим гротескным снижением (ирландец нетрезв), впрочем, работает на десентиментализацию метафоры, как и экономическая составляющая эпизода в целом.

Сентиментальный образ милосердия в эссе Хоуэллса — это призрак прошлого, который плохо согласуется с политической экономией филантропа и с разыгрываемыми перед нами сценами эквивалентного обмена. В рамках сентиментального филантропического дискурса милосердие и экономия не противоречили друг другу, но, напротив, поддерживали хрупкий баланс. У Хоуэллса они скорее разведены: общая экономизация отношений просящего и дающего подчеркивает неуместность сентиментального отношения, сведенного до гротеска.

Тем не менее в эссе есть два эпизода, которые пунктирно намечают модели отношения благодетеля и его подопечного, альтернативные экономике эквивалентного обмена. В одном из них рассказчик подряжается по-

мочь русскому эмигранту в поиске работы, став агентом благотворительной организации:

Я обстоятельно познакомился с его делом и пошел искать для него работу. В этом и была вся моя польза — но польза исключительно для меня одного: люди, к которым я обращался, принижали меня, как будто я искал работу для себя, и это было хорошо, потому что я узнал, как ведет себя разгневанный человек, у которого просят работу, которую он не может дать. Он относится к просителю как к самозванцу или агрессору и пытается отделаться от него, прибегая к прямолинейности, черствости и даже грубости [8, р. 136–137].

Казалось бы, как истинный сентиментальный филантроп, рассказчик воображает себя в ситуации другого и извлекает для себя моральный урок. Однако, вопреки читательским ожиданиям, вместо того, чтобы умножить свои усилия, он начинает тяготиться взятой на себя миссией и посещает русского подопечного все реже и реже. Задание, с которым он пытается справиться, буквально встав на место эмигранта, вовлекает филантропа не в экономические, а в миметические отношения с последним. Эпизод показывает, что отождествление с объектом благотворительности, нарушение иерархии и дистанции крайне уязвимо. Приятно оказывать помощь, но далеко не приятно самому оказаться в шкуре униженного просителя. В конце концов русский находит себе работу сам, и рассказчик утешает себя мыслью, что, возможно, вдохновил его собственным примером.

Самый последний эпизод эссе описывает случай единственной успешной миссии рассказчика: он помогает устроить молодого итальянца в больницу. В прекрасный весенний день он приходит в каморку, где ютится итальянская семья. Картина нищеты и болезни контрастирует с весенним цветением.

Комната больного была чистой и милой (sweet) стараниями его матери (она была настоящей леди); но, как только я вошел, он привстал с кровати и протянул мне руки, вздыхая: “Lo spedale, lo spedale”. Весна, красота этого мира — все было ничто для него. Он хотел только в больницу; бедным, этой неизлечимой болезни нашего общества, больница — лучшее, что мы можем дать. Хотя, конечно, есть еще могила [8, р. 139].

Больница, lo spedale, представляется самому рассказчику абсурдным и неуместным «даром» в день, исполненный красоты и радости жизни. В эссе неожиданно появляется трансцендентный план, который ставит экономику обмена под сомнение в той мере, в какой дар милосердия становится частью экономики смерти. Рассказчик «дарит» итальянцу больницу, где он обречен умереть, т. е. фактически дарит ему смерть. В своем предельном выражении дар милосердия — это дар смерти: «Больница — лучшее, что мы можем дать. Хотя, конечно, есть еще могила». Именно так завершается эссе о «доброхотно дающем», или веселом филантропе, подводя печальный и краткий итог многочисленным примерам и рассуждениям о его благотворительной деятельности, которая проходит полный цикл — от культи безрукого нищего и поданной ему четверти доллара до больницы, «подаренной» рассказчиком умирающему итальянцу. Эссе подводит итог дискуссии о милосердии, которая велась на протяжении столетия, причем итог оказывается глубоко пессимистичным. В контексте финала слово «cheerful» в заглавии звучит почти зловеще, но вместе с тем оно выражает этическую позицию автора: даже если милосердие в современном космополитическом обществе далеко от христианского завета (очень симптоматично, что именно в конце Хоуэллс упоминает свою переписку с Толстым⁵), наш долг — продолжать оказывать посильную помощь равно достойным и недостойным. Рассказчик прямо говорит о праве или привилегии давать просящему, «даже если ты не знаешь, действительно ли он нуждается и заслуживает помощи» [8, р. 136].

К каким выводам подводит нас эссе?

1) Рассуждая об индивидуальной благотворительной практике, Хоуэллс максимально ее экономизирует, отчасти продолжая сложившуюся национальную традицию, отчасти доводя ее до гротеска; экономический дискурс получает ироническое измерение, позволяя автобиографическому «я» прятаться за маской.

2) Писатель-реалист, Хоуэллс то и дело обращается к образам из репертуара сентиментальной «благотворительной литературы» — будь то бедная девушка, жертвующая скромным заработком нищему калеке, или картина нищеты и смерти на фоне весеннего возрождения. Он использует

⁵ Характерно, что сам Хоуэллс утверждал, что на него оказала влияние этика, а не эстетика Толстого. См. об этом: [3].

сентиментальные тропы и сам примеряет костюм старинного филантропа. Тем не менее ироническая дистанция скорее подчеркивает неуместность и анахронизм сентиментального милосердия в Америке рубежа веков; символом этой неуместности становится издевательский образ культи пьяного ирландца — буквализированной метафоры сентиментального сочувствия.

3) Эссе Хоуэллса в целом носит светский характер: христианский долг используется большей частью как риторическая фигура, составляя антитезу с экономическим интересом, частным и национальным. Тем не менее финал эссе заставляет нас задуматься о том, что аллюзия к посланию апостола Павла далеко не случайна. Итог злословий «доброхотно дающего» неутешителен, но он принимает форму послания или завета, делая текст Хоуэллса секуляризованной и модернизированной версией христианского милосердия. Помогая бедным, ты не сделаешь мир лучше, не избавишь его от бедности и не решишь собственных внутренних противоречий. Но ты все равно должен продолжать это делать, как продолжает, спотыкаясь и сомневаясь, рассказчик Хоуэллса — «cheerful giver», что уместнее всего было бы перевести как «неунывающий даритель».

Список литературы

- 1 *Стеценко Е.А.* Уильям Дин Хоуэллс // История литературы США. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. IV / под ред. П.В. Балдицына, М.М. Кореновой.
- 2 *Bergman J., Bernardi D.* Introduction // *Our Sisters' Keepers: Nineteenth-Century Benevolence Literature by American Women.* Eds. J. Bergman, D. Bernardi. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005, pp. 1–22.
- 3 *Budd L.J.* William Dean Howells' Debt to Tolstoy // *The American Slavic and East European Review.* 1950. Vol. 9, No. 4, Dec. Pp. 292–301.
- 4 *Child L.M.* Letters from New York. N.Y.: C. S. Francis & Company, 1844, 288 p.
- 5 *Ginzberg L.D.* Women and the Work of Benevolence: Morality, Politics, and Class in the Nineteenth-Century United States. New Haven: Yale University Press, 1990. 230 p.
- 6 *Derrida J.* Given Time: I. Counterfeit Money. Trans. Peggy Kamuf. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1992. 172 p.
- 7 *Hoeller H.* From Gift to Commodity. Capitalism and Sacrifice in Nineteenth-Century American Fiction. New Hampshire: University of New Hampshire Press, 2012. 279 p.
- 8 *Howells W.D.* Tribulations of a Cheerful Giver // Impressions and Experiences. N.Y.; L.: Harper and Brothers Publishers, 1909, pp. III–139.
- 9 *Sigourney L.* Letters to Young Ladies. N.Y.: Harper and Brothers, 1833, 259 p.

References

- 1 Stetsenko E.A. Uil'iam Din Khouells [William Dean Howells]. *Istoriia literatury SShA*. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. Vol. IV, ed. by P.V. Balditsyn, M.M. Koreneva. (In Russ.)
- 2 Bergman J., Bernardi D. Introduction. In: *Our Sisters' Keepers: Nineteenth-Century Benevolence Literature by American Women*. Eds. J. Bergman, D. Bernardi. Tuscaloosa, University of Alabama Press, 2005, pp. 1–22. (In English)
- 3 Budd L.J. William Dean Howells' Debt to Tolstoy. *The American Slavic and East European Review*, 1950, Vol. 9, No. 4, Dec., pp. 292–301. (In English)
- 4 Child L.M. *Letters from New York*. New York, C. S. Francis & Company, 1844. 288 p. (In English)
- 5 Ginzberg L.D. *Women and the Work of Benevolence: Morality, Politics, and Class in the Nineteenth-Century United States*. New Haven, Yale University Press, 1990. 230 p. (In English)
- 6 Derrida J. *Given Time: I. Counterfeit Money*. Trans. Peggy Kamuf. Chicago and London, The University of Chicago Press, 1992. 172 p. (In English)
- 7 Hoeller H. *From Gift to Commodity. Capitalism and Sacrifice in Nineteenth-Century American Fiction*. New Hampshire, University of New Hampshire Press, 2012. 279 p. (In English)
- 8 Howells W.D. Tribulations of a Cheerful Giver. *Impressions and Experiences*. New York and London, Harper and Brothers Publishers, 1909, pp. 111–139. (In English)
- 9 Sigourney L. *Letters to Young Ladies*. New York, Harper and Brothers, 1833. 259 p. (In English)